

Волна . . . что-нибудь . . . прошло через меня. Я никогда не ощущал подобного. Когда я потерял сознание, я мог видеть только полосы интенсивного цвета. И все же я не чувствовал пола под собой. Я больше не мог этого выносить. Все стало черным, а затем и мой разум стал черным.

Я проснулся, зная, что время прошло. Годы, дни, секунды: не могу сказать. Я лежу на спине, глядя вверх. Первое, что я увидел, были деревья, деревья, не похожие ни на какие, которые я когда-либо видел или о которых читал на Барсуме: высокие, с тяжелыми ветвями, на каждой из которых висели тысячи маленьких зеленых листьев. Зелень переполняла мои чувства. Маленькие летающие животные порхали среди ветвей этих огромных деревьев, в то время как другие, явно не способные летать, быстро носились вверх и вниз по стволам деревьев.

И было холодно. Казалось, температура меня не беспокоит, но, скорее всего, мне скоро понадобятся меха, еда и огонь. Я не возражал против того, чтобы быть голым, но я очень не хотел, чтобы мне было холодно.

В соответствии с жуткой зеленой растительностью, сквозь деревья я мог видеть небо, яркое лазурно-голубое, а не успокаивающее розовое Барсума. Сверху также можно было разглядеть пухлые белые фигуры. Цвета ошеломили меня, и у меня ужасно закружилась голова. Я остался лежать на спине и внимательно посмотрел вверх, пытаясь приспособиться к этому тревожному новому миру.

Это Джасум? Джон Картер говорил о голубом небе и огромных лесах с зелеными листьями. Место, где я проснулся, казалось, не имело никаких особых свойств: проем между деревьями, покрытый коричневыми листьями, которые, как я предположил, умерли и упали с их ветвей. Точно так же ряд растений Барсума сбрасывает листья как часть жизненного цикла. Я перекатился на бок и сорвал несколько листьев, чтобы обнажить грязь Грязи. Оно было темно-коричневым, полным гниющих растений и крошечных ползающих существ. В этом смысле он мало чем отличался от Барсума; в то время как моя планета очень красная, если смотреть издалека, ее почва черная или коричневая, по крайней мере, в плодородных зонах. Я внимательно присмотрелся к крошечным существам: у них было шесть ног, как у большинства животных Барсума. Может быть, я не покинул свою родную планету? Многие регионы нам мало известны.

Но нет, свет был не похож ни на один из тех, что я когда-либо видел. Желтоватый и интенсивный. Снова взглянув вверх, я нашел солнце у восточного горизонта. Он был намного больше, чем казался с Барсума; Джасум приблизился к нашей общей домашней звезде. Эти наблюдения не могли произойти нигде на моей собственной планете. Я попал в другой мир. И я сделал это один.

Неужели я снова поступил глупо? Почему я не подумал взять с собой свою сестру Тувию или даже благородного Кантоса Кана? Любой из них с радостью оставил бы Барсума, чтобы остаться со мной и помочь мне в моих поисках. И я бы не был таким одиноким.

Я не знал, что смогу вернуться в Барсум. Я не имел права осуждать свою сестру и моего дорогого друга на вечное изгнание в чужой мир. Что бы ни случилось здесь, в Гязи, я должен был сделать это своими силами.

Когда моя решимость восстановилась, я понял, что не могу вечно лежать на листьях. Я осторожно встал. Джон Картер с гордостью объяснял мне — мне, ведущему физику Барсума, — теорию гравитации, в которой со временем я понял, было стремление мужчин Джасума объяснять мир женщинам, независимо от того, действительно ли самец имел знание предмета, о котором он рассуждал, или нет.

Джон Картер считал, что его планета имеет гораздо большую гравитацию, чем у Барсума, что объясняет его превосходящую силу и способность к прыжкам. Это было, конечно, совершенной глупостью для любого ума, даже с малейшим научным уклоном. Его тело, хотя и с прекрасной мускулатурой, имело точно такие же пропорции, как у наших краснокожих с Барсума. И его прикосновение никогда не разрушало того, что он схватил. Судя по его описанию, он научился нормально ходить очень быстро, и я никогда не замечал никаких аномалий в его походке.

Наоборот, такая сила должна быть каким-то побочным эффектом межпланетной телепортации. Значит, я тоже обладал этой способностью? Я должен это знать. Я вытянул руки и ноги; они казались нормальными, но у меня действительно было много энергии. Я шагнул к ближайшему дереву, прыгая изо всех сил, и быстро перелетел поляну. Готовясь к этому событию, я приземлился, расставив ноги и согнув колени, как это делал Джон Картер.

Я мог прыгать, как Джон Картер, хотя и не так сильно. Эта планета имела гораздо большую гравитацию, чем у Барсума. Я чувствовал свой вес. Я осторожно пошел обратно через поляну. Прирост силы и энергии более чем компенсируется. Мне пришлось бы скорректировать шаг, чтобы не спотыкаться.

Я стал сильнее, но насколько сильным? Я уперся руками в большой ствол дерева, почти больше, чем мои руки могли его обхватить, и толкнул его. Дерево застонало и затряслось. Я опустил плечо и надавил сильнее, пока оно не опрокинулось с оглушительным грохотом. Многие из маленьких летающих существ бежали вверх, выражая свой гнев по поводу разрушения их домов. Я молча просил у них прощения, но удовлетворенно улыбался. Я стал очень сильным.

Посмотрев вниз, я увидел, что моя сбруя и украшения не доехали до Джасума. Теперь я ничего не носил. Я внимательно осмотрел свое тело и нашел его в отличном состоянии. На самом деле, его состояние было слишком хорошим. Хотя обычно я ученый, а не воин, я из Барсума и повидал немало боев мечом и кинжалом. Я умею обращаться с клинком, но даже самая искусная фехтовальщица получит раны. На моей теперь уже безупречной медно-красной коже не было шрамов: исчезли светлые старые порезы вдоль ребер, как и уродливая сморщенная отметина под левой грудью, которая давно чуть не покончила с моей жизнью. Все еще заживающая травма правой ноги, нанесенная неуместным шагом зитидара, теперь не причиняла боли, как бы я ни нажимал на нее своим весом.

Если бы это было мое тело, оно было бы усовершенствовано в пути. Я предположил, что более вероятно, что мое настоящее тело лежало безжизненно на балконе в Гелиуме. Я надеялся, что персонал дворца позаботится о нем должным образом и что мой отец Морс Каяк поймет, что его нельзя сжигать. Я пожалел, что не оставил инструкций, прежде чем связаться с голубой планетой. Я ученый, и хотя я импульсивно соблазнил Джона Картера при первой встрече с ним, обычно я рациональный мыслитель как по натуре, так и по моему образованию. Я был дураком.

И все же, если мое тело осталось в гелии, были ли мои переживания здесь вообще реальными? Я отбросил эту мысль. Позже я, возможно, пожелаю представить доклад о метафизике межпланетной телепортации в Королевскую академию наук в Гелиуме. На данный момент я считаю свое присутствие здесь реальным.

Ясно, что Джона Картера нельзя было найти, стоя в лесу. Мне нужна информация. Одно направление выглядело так же хорошо, как и другое, поэтому я пошел к восходящему солнцу. В конце концов, рассудил я, я наткнулся на какой-нибудь признак цивилизации. Если таковые существовали на этой планете.

В этом лесу был гораздо более густой подлесок, чем я ожидал, и я обнаружил, что мне нужна моя повышенная сила, чтобы пробиться сквозь виноградные лозы и небольшие деревья. Мое совершенное новое тело покрылось множеством мелких царапин, доказывающих, что оно не застраховано от повреждений и боли. Когда я разорвал особенно упрямую лиану, я услышал слабые звуки лязгающей стали. Я двинулся к ним и начал улавливать мысли бойцов. Их было всего два, каждый из которых излучал чрезвычайно противоречивые эмоции.

Все жители Барсума в той или иной степени телепаты; люди королевского происхождения, такие как я, воспитаны так, чтобы быть намного сильнее в этом отношении, чем простолюдины. Выпускать из себя такие сильные и нефильтрованные мысли — признак не только крайней грубости, но и душевной болезни. Таких людей сразу помещают на карантин в изолированные учреждения и оказывают медицинскую помощь.

Мне потребовалась вся моя умственная дисциплина, чтобы хотя бы приблизиться к двум воинам. Я не напрасно говорю, что их эмоциональные всплески сокрушили бы более слабого телепата. Я мало что мог понять в их чувствах и еще меньше в связных мыслях. Гнев, похоть, любовь, предательство — все самые сильные темы прозвучали.

Пробравшись сквозь растения и лианы, я добрался до места, где сквозь щель в подлеске мог видеть бойцов. Они заняли широкую поляну в лесу, прогалину с очень небольшим подлеском, только ковер из сухих листьев. Они были одни, если не считать двух крупных животных, на которых они, по-видимому, приехали сюда верхом — оба зверя носили на спинах то, что я узнал как седла.

Оба бойца были одеты в полную броню, но без головных уборов. Один был одет в белое, другой — в доспехи бронзового цвета, на которых было много потертостей, из-под которых виднелась серая сталь.

Следуя вежливой практике, я попытался связаться с каждым из них телепатически. Они не ответили и даже не заметили моего присутствия. Я увидел, что могу взобраться со своего наблюдательного пункта на большую скалу, выступающую в поляну, и наблюдать оттуда, что я и сделал. Я скрестил ноги под собой и смотрел, как сражаются воины, но они все равно не обращали внимания.

У обоих была бледно-белая кожа и желтые волосы; они очень походили на Тернов из Барсума. Они сражались длинными прямыми мечами. Воин в белом держал меч в левой руке, а другую тащил за собой. Он был красивым мужчиной и, вероятно, когда-то был красивым. Возраст или, возможно, морщины вокруг глаз и рта, вызванные стрессом, многое убрали. Рядом на земле валялся сломанный щит, и я предположил, что это был его.

Его противник, который оказался женщиной, сражался с мечом в одной руке и щитом, прикрепленным к другой. Я выше большинства женщин Барсума и, по словам Джона Картера из Джасума, тоже, но этот воин был намного крупнее меня. Напротив, она никогда не была красивой, и у нее было несколько шрамов, видимых даже на расстоянии.

Ни один из них не проявлял большого маневра, вместо этого обмениваясь ударами и пытаясь проникнуть своим клинком в защиту другого. Большая сила женщины-воина — я решил назвать ее таким образом — постепенно начала сказываться, поскольку также стало очевидно, что у воина-мужчины была только одна рука, а вместо правой руки была металлическая копия. Довольно жестокий удар щитом по лицу поставил его на колени и сломал нос, а женщина продолжала сыпать ударами, пока его меч не раскололся на несколько частей.

Женщина-воин встала над ним, тяжело дыша, затем бросила щит на землю, подняла меч над головой обеими руками и нанесла смертельный удар. Слезы текли по ее лицу, и она прорыдала несколько слов. Ее резкие и гортанные слова, совсем не похожие на наши собственные музыкальные тона, напомнили мне язык Джона Картера, известный как «английский». Пытаясь сохранить его любовь и верность, я выучил его речь; поскольку он отказывался открывать свой разум другим, он мог передавать сложные понятия только с большим трудом. Его нерешительные попытки смущали и злили его, и вскоре я научился не предлагать ему использовать свои телепатические способности, как другим представителям королевского сословия.

Из-за сильных эмоций женщины было трудно следить за ее мыслями, но казалось, что она любила этого мужчину, но чувствовала себя обязанной убить его. Я думаю, она сказала ему, что любит его и хочет, чтобы ей не пришлось его убивать, или что-то в этом роде. Если бы она не убила его, другие погибли бы по какой-то непонятной мне причине.

Мужчина ничего не сказал, наконец заявив, что ему безразлична только женщина по имени Серсея. Он излучал глубокое презрение к женщине-воину, страх за свою жизнь и отвращение к ее признанию в любви. Он также любил другого, которого не мог иметь; У меня сложилось впечатление, что он находил это сходство постыдным и что это чувство подпитывало его презрение, но, возможно, я слишком много читал в его эмоциях — мне было трудно улавливать связанные мысли.

Женщина покачала головой, уронила меч и уставилась в лесную подстилку, продолжая рыдать. Я мог читать мысли о глубоком суицидальном отчаянии. Этот мужчина был не первым, кого она любила напрасно. Она чувствовала себя никчемной и глупой. Она надеялась, что он убьет ее и тем самым положит конец ее агонии.

Предвещала ли эта маленькая сцена передо мной мою собственную судьбу? Я бросила свой город и свою семью, обе невыразимо дорогие мне, чтобы преследовать человека, который не хотел меня, и заставить его полюбить меня. Может быть, я был таким же ничтожным и глупым, но я еще не был готов покончить с собой. И эта женщина тоже.

Я хотел позвать ее, помешать ей так легко расстаться с жизнью. Я ничего не знал об их истории, но не мог поверить ни одному человеку, достойному такой жертвы. Но в момент стресса я не мог вспомнить нужные мне английские слова и не был уверен, что она их поймет, а на мои попытки установить с ней телепатический контакт она никак не отреагировала. Я думал просто выбежать на поляну, чтобы остановить ее, но сдержался; Я боялся быть срубленным заблудшим или застигнутым врасплох мечом. Мое отсутствие храбрости стыдило меня.

Мужчина осторожно поднялся на ноги и поднял ее меч. Она посмотрела на него, и он медленно приложил кончик к центру ее груди. — Джейме, — произнесла она, видимо, имя мужчины, и еще раз призналась в любви. Она произнесла еще несколько слов, которые, как мне кажется, умоляли его лишить ее жизни и спасти свою. Она одновременно и боялась, и принимала свою неминуемую смерть. Он молча смотрел на нее, его мысли продолжали излучать презрение. Я впервые ясно понял его слова.

"Я никогда не любил тебя."

Он вонзил лезвие ей между грудей с лязгом металла о металл, наклоняясь к мечу, чтобы положить на него свой вес. Он пронзил ее тяжелую броню и пробил ее спину. — Но я люблю тебя, — снова выдохнула она, опустившись на колени, а затем перекатившись на бок, меч все

еще пронзал ее.

Мужчина какое-то время смотрел на нее, все еще неподвижную, а затем, наконец, заметил меня, сидящего на камне и наблюдающего за происходящим. Он уставился на меня и начал говорить громко и сердито, указывая на умирающую женщину и меч. Прилив эмоций снова мешал следить за его словами, но он, казалось, поверил, что я либо иллюзия, либо какой-то мстительный дух, явившийся мучить его. Он считал, что, возможно, сошел с ума.

Указав на меня, он неуклюже потянулся здоровой рукой к каждому плечу, чтобы расстегнуть нечто, похожее на застёжки, удерживающие его защищающую грудь пластину брони на месте. Оно упало на землю с грохотом. Он прошел через поляну, все еще глядя на меня, туда, где их выючные животные были привязаны к маленькому растению. Подняв белый плащ, лежавший поперек седла одного животного, он вытер кровь, теперь свободно текущую из обломков его носа, а затем бросил его на землю. Меня приветствовали плащ, доспехи и меч, которые, очевидно, имели для него большое символическое значение. Он неуклюже взобрался в седло и ускорился, ни разу не оглядываясь.

Я решил узнать все, что мог, из этой странной маленькой сцены, прежде чем двигаться дальше. Я перевернул женщину-воительницу на спину и легко извлек лезвие из ее груди. Когда ее жизнь ушла из нее, я ощутил последние ее мысли, образ самой себя — гораздо более мягкой, идеализированной версии — лежащей среди груды шелков и мехов и прижимающей к груди очень маленького ребенка, в то время как столь же идеализированная версия человек, который только что убил ее, стоял над ней и мягко улыбался. Она так сильно хотела, чтобы это было правдой, что я держал ее за руку и оплакивал этого незнакомца, но видение становилось все тусклее. И тогда она больше не думала.

Жители Барсума редко плакали. Возможно, меня захлестнули волны эмоций, которые я испытал от обоих этих бойцов; в то время как мои собственные люди способны к столь же сильной страсти, наши телепатические способности также научили нас держать это в уме. Какой бы ни была причина, я пообещал себе, что если снова встречу однорукого во время поисков Джона Картера, то убью и его, и его возлюбленную Серсею.

Я думал о ее видении. Она представила живорождение или, вернее, только что родила, которую я приняла за живую, — она не вообразила фактического события. Мы, жители Барсума, высиживаем наших детенышей из яиц, и они выходят гораздо более развитыми, чем тот маленький, что я видел в ее мыслях. Я видел потомство нашего народа, похожее на то, что она держала во сне, но только с поврежденным или рассеченным яйцом — на этой стадии они нежизнеспособны вне яйца.

Джон Картер немного рассказал мне о родах среди своего народа, и это видение, похоже, соответствовало его описаниям. Я хотел узнать больше: эта концепция веками была главным предметом разногласий в науке о Барсуме. У женщин Барсума, за исключением зеленой расы с шестью конечностями, есть груди, включая железы, необходимые для выделения питательной жидкости при правильной стимуляции.

Почему это? Мы не кормим наших детенышей грудью, как, казалось, собиралась сделать женщина в своих фантазиях. Они служат только для сексуальных игр? Или у нас когда-то было больше пользы для них. Незадолго до моего внезапного отъезда я в качестве регента Королевской академии наук утвердил к публикации статью, которая наверняка вызовет споры на всей планете. В нем подробно излагалась теория о том, что расы с четырьмя конечностями — мы, красные барсумцы, желтые окарцы из северных полярных регионов, чернокожие люди, известные как перворожденные, и белокожие терны и родственные им народы — искусственно

адаптированы к Барсуму. и на самом деле не родом с нашей планеты. Найду ли я подтверждение этой теории во время моего пребывания здесь? Признаюсь, я чувствовал трепет исследования.

Я остановил эту мысль. Я знаю, что я одержим учебой ради самой учебы и что временами в своих размышлениях я теряю счет времени и ощущение окружающего меня мира. Я был в странном месте и вполне мог быть в опасности. Мне нужно было как можно быстрее сконцентрироваться и получить практические знания.

Затем я осмотрел ее меч. Я никогда не видел такой металлургии; ни один из Барсума не способен создать себе подобных. Я мог легко сбалансировать очень легкое лезвие на кончике одного пальца. На лезвии был странный узор, красные ряби на темно-сером металле. Навершие имело форму, напоминающую какого-то зверя — возможно, любимого домашнего питомца? С моей увеличенной силой я легко пронзил меч сквозь самые большие деревья на поляне, но его лезвие оставалось таким же острым, как и прежде.

На моей родной планете мы считаем мечи взаимозаменяемыми инструментами; у кого-то может быть любимый тип, но за пределами нескольких конкретных контекстов сам меч не имеет большого значения. Есть церемониальное использование мечей - один бросает меч к ногам лидера, чтобы показать лояльность, и, наоборот, лидер дает меч последователю, чтобы выразить доверие. И все же я чувствовал, что меня странно тянет к этому мечу. Я погладил лезвие и почувствовал почти сексуальное возбуждение от его теплого металла. Я поднял его и ощутил идеальный баланс в руке; это могло быть сделано специально для меня. Это было не совсем идеально: я нашел украшения отвратительными, и я бы предпочел более длинную рукоять, чтобы было легче держать ее двумя руками. Несмотря на это, я хотел этот меч. Я бы сохранил этот меч.

Повернувшись к павшему воину, я изучил ее желтые волосы; он действительно вырос из кожи, покрывающей ее череп, и не был париком. Следовательно, она все-таки не терн. Раздев воина, я обнаружил, что на нем были тяжелые стальные пластины из гораздо менее продвинутой металлургии, чем ее клинок. Под ней была какая-то стеганая туника, теперь пропитанная ее кровью — красной кровью, которую пролил ее убийца, как у Джасума, а не синей, как наша. Туника, вероятно, предназначалась для смягчения тяжелых ударов по ее доспехам. Под этим она носила еще несколько слоев одежды.

Она истекла кровью из раны и довольно быстро умерла. Джон Картер сказал, что его сердце находится в центре его груди, и, возможно, то же самое было и с этими людьми. Когда она лежала обнаженной, я увидел, что она определенно не из Барсума, с женскими органами, сильно отличающимися от органов наших женщин, различиями, возможно, необходимыми для живорождения. У нее была грудь, как и у нас, хотя и намного меньше моей, и не было очевидных способов выдавливания яйцеклеток. В остальном она очень походила на женщину из Барсума, хотя и находилась на самом высоком уровне по размеру и мускулатуре.

На ее теле и особенно на лице было много шрамов; очевидно, она участвовала во множестве сражений. Так почему же она позволила мужчине-воину так легко убить себя? Только из-за безответной любви? Это не имело смысла, но я пришелец здесь и знал, что что-то не обязательно должно иметь для меня смысл, чтобы это соответствовало логике этого места.

Это Джасум? Планета, которую Джон Картер знал как Грязь? Я решил действовать так, как будто это было. Джон Картер сказал, что его люди хоронят своих мертвецов в земле, и я сделал то же самое с этой павшей воительницей, надев на нее множество слоев одежды, как мог. Я нашел полезный складной инструмент для копания, прикрепленный к ее скакуну, и с моей

вновь обретенной скоростью и силой я вскоре вырыл яму.

Я, конечно же, покинула Барсум: как принцессе, у меня никогда не было причин копать ямы в грязи. Я нашел это удовлетворительным, когда понял, как погрузить инструмент в почву под правильным углом, чтобы зачерпнуть грязь, не перегружая широкое лезвие. Мои первые несколько попыток либо неэффективно царапали поверхность, либо копали под слишком острым углом, чтобы поднять грязь. Вскоре я овладел ритмом, и яма углубилась. Я мог сказать, что груз почвы был намного тяжелее, чем на Барсуме, даже с учетом его более влажной природы, но моя повышенная сила более чем компенсировала это. Я наслаждался своим, возможно, новым телом и его способностями.

И тут я вспомнил, зачем копал яму, и протрезвел. Не зная, что это за падальщики, я проделал дыру глубиной в голову. Вспоминая навязчивую неприязнь Джона Картера к женской наготе, я, как мог, одел женщину в ее окровавленные одежды и осторожно положил ее труп на дно ямы. Засыпав дыру, я сложил доспехи женщины и те, что были брошены ее противником, на вершину кургана на случай, если кто-нибудь из ее людей придет ее искать. Я сохранил клинок и такие же богато украшенные ножны со спины женщины-воина, а также несколько меньших лезвий, привязанных к ее руке и обеим ногам. Ни один из них не был из того же чудесного металла, что и меч. Я также взял ее гибкие бронированные перчатки, которые очень хорошо подошли к моим довольно крупным рукам.

После того, как я похоронил ее тело, я повернулся к оставшемуся привязанному на поляне животному, спокойно жующему листья. Ее верховое животное очень напоминало существо, которое Джон Картер назвал «лошадью». Джон Картер любил лошадей и часто говорил, что они были единственным аспектом жизни на Джасуме/Грязи, по которому он действительно скучал. Это была только половина лжи; Я верю, что он любил этих великолепных животных. Просто они были не всем, о чем он сожалел, оставив на планете Грязь.

Джон Картер много раз рисовал и рисовал лошадей, показывая очень ловкую руку с кистью, которая почти равнялась его мастерству владения мечом. Это существо выглядело точно так же, как на рисунках моего своенравного мужа. Седло и прочее снаряжение были не совсем такими, как он нарисовал; то, что я нашел на этой лошади, было больше похоже на те, что мы ставим на наших тоатах Барсума, с более высоким кантом и гораздо более широким луком.

Сама лошадь была намного меньше тотта и обладала гораздо более спокойным характером. Тотты одинаково глупы и воинственны. Будучи принцессой, я должна была ездить на них по торжественным случаям, и у меня развилась глубокая неприязнь к животным. Эти лошади были совершенно разными существами.

На лошади я нашел пару кофров странной формы, в которых было что-то похожее на две круглые буханки какого-то хлеба. Внезапно проголодавшись, я съел их, прежде чем понял, что они могут быть несовместимы с моей физиологией. Я нашел довольно тонкий спальный мех, который, вероятно, был кастрюлей и инструментами для разведения огня. У нее также были некоторые дополнения к необычному нижнему белью, которое она носила, упакованному несколькими длинными толстыми полосами ткани, еще несколькими маленькими лезвиями, кожаным мешком, наполненным водой, и несколькими другими предметами. Я не нашел ни огнестрельного оружия, ни каких-либо признаков того, что оно было у женщины-воина. У нее была маленькая глиняная баночка с беловатым порошком, который, как я позже узнал, предназначался для чистки зубов, и отвратительный на вкус кусок чего-то, что оказалось мылом.

Джон Картер сказал, что по-настоящему легко он чувствовал себя только верхом на лошади,

общаясь со своей лошастью почти телепатически. Достучавшись до разума лошади, я увидел, что он разумен по меркам животных и очень восприимчив к моему разуму. Тотчас же он начал реагировать простыми импульсами: он хотел есть и отдыхать и хотел, чтобы его седло сняли, чтобы он мог кататься по земле. Я сказал ему, что мы должны путешествовать первыми. Оно не возражало.

Без кожаных штанов, которые мы носим, когда катаемся на тотатах на Барсуме, мне понадобилась бы какая-нибудь защита для моей кожи, чтобы скакать на лошади мертвой женщины. Я взял комплект большого и толстого нижнего белья женщины и надел его, прикрывая свою задницу и мою репродуктивную область. Я плотно обернул одну из длинных полосок ткани вокруг каждого бедра. Я знал, что выгляжу смешным в глазах любого обитателя Барсума, но я не представлял раздражения, которое возникло бы без этой защиты.

Я сел в седло с левой стороны, как посоветовала мне лошадь, и зверь издал, как показал его разум, довольный звук, который Джон Картер назвал «ржанием». У лошади были кожаные стропы, чтобы направлять ее курс, поводья, которые я вспомнил, но казалось очевидным, что она пойдет туда, куда я попрошу. Я снял кожаную штучковину, закрывающую его голову, а также кусок металла, застрявший у него во рту. Лошадь снова заржала.

Я прикрепил меч к седлу кожаными петлями, которые, по-видимому, предназначались для этой цели, и поехал в направлении однорукого Хайме. Я надеялся вскоре добраться до какой-нибудь дороги или тропы. Лошадь уверенно пробралась между деревьями, и вскоре мы достигли изрытой колеями грунтовой дороги, ведущей через лес на север и на юг. У лошади не было мнения по поводу выбора, и поэтому я повернул на север. Я поговорил со своей лошастью, найдя мысли лошади очень подходящими и утешающими меня. Стресс и замешательство от моего прибытия в совершенно чуждую среду уменьшились, когда мы продолжали брести, и я восхищался богатством жизни среди деревьев.

<http://tl.rulate.ru/book/82171/2556184>